

КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Выявляются различные подходы к определению понятия «социальная теория». Прослеживается его развитие в рамках социально-гуманитарных наук и постепенная трансформация в одну из ключевых категорий современного социально-философского познания. Обозначены региональные различия в трактовках данной категории, а также причины зарождения универсальной категории социальной теории на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: социальная теория; социологическая теория; социально-философская теория; теория общества; современная социальная теория.

THE CATEGORY OF CONTEMPORARY SOCIAL THEORY

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article reveals different approaches to defining the notion «social theory». Its development within the social and human sciences is traced. Its further transformation into one of the key categories of socio-philosophical cognition is delineated. Regional differences in interpretations of this category are indicated. Reasons for the emergence of the universal category of social theory at the turn of XX–XXI centuries are outlined.

Keywords: social theory; sociological theory; socio-philosophical theory; theory of society; contemporary social theory.

Введение

Значение категории «социальная теория» остается неоднозначным в современной социальной философии и социологии. Англо-американский термин *social theory* переводится и инкорпорируется в различные традиции социально-гуманитарных наук, но он до сих пор не приобрел строгого определения. Несмотря на свою неоднозначность, этот термин остается модным и популярным обозначением наиболее актуальной междисциплинарной области исследований социальной философии и социологии со второй половины XX в., интерес к нему еще сильнее обостряется на рубе-

же XX–XXI вв. Британский социолог Дж. Деланти рассматривает этот современный «поворот к социальной теории» (в особенности европейских социологов) как «реакцию на преимущественно эмпирический характер американской социологии»¹ [1, р. xvii] и распространение ее влияния на социальные науки с конца XX в. во всем мире.

Современная европейская социальная теория в попытке укрепить свои исконные философские основания демонстрирует, согласно Дж. Деланти, возрождение тесных взаимоотношений между социальными и гуманитарными науками. На укре-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

Образец цитирования:

Мацевич-Духан И.Я. Категория современной социальной теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:57–65.

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. The category of contemporary social theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:57–65. Russian.

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; докторант.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; postdoctoral researcher.
irina.matsevich@mail.ru

ненность европейской социологии в философии и необходимость ее сохранения обратил пристальное внимание еще в 1958 г. английский философ П. Уинч [2]. В ситуации распространяющейся критики классической социологической теории П. Уинч подчеркивал, что постепенный ее крен в сторону эмпирических исследований заставляет забыть, что «центральная проблема социологии, т. е. постижение природы социальных феноменов в целом, принадлежит философии» [2, р. 41]. Тем самым он объяснял определенного рода кризис европейских социальных наук в целом и социологии в особенности. П. Уинч не мог смириться с тем фактом, что социологи достаточно часто исследуют, каким образом возникновение и оформ-

ление концептов детерминировано социальной жизнью, но при этом они забывают, что концепты не могут рассматриваться исключительно как продукты обобщения социальных процессов. Напротив, обобщения и их воплощения в действительности возможны лишь в той мере, в какой индивид осваивает определенный набор концептов [2, р. 42].

Критика Уинча совпала по времени с зарождением и распространением категории «социальная теория» как отличной от социологической и социально-философской теорий. Рассмотрим предпосылки ее оформления и основные стадии эволюции в европейском и американском социально-гуманитарном познании.

Понятие «социальная теория» в философии и социологии

Англо-американское понятие *social theory* не всегда органично и беспрепятственно вписывается в многообразие социально-философских и социологических систем научного знания. В отечественной традиции данное понятие иногда используется как условное обозначение социально-философской теории, требующее дальнейшего прояснения на языке отечественной науки в зависимости от контекста его употребления. Хотя относительно данного утверждения можно возразить и вспомнить, что понятие «критическая социальная теория» активно используется в отечественной науке со второй половины XX в. Тем не менее то понятие, о котором пойдет речь в данной статье, имеет более широкое значение и поле компетенций. Необходимо прояснить его основные значения в различных научных традициях и дать обобщенное определение, часто воспроизводимое в европейской социально-философской мысли в XX–XXI вв.

Согласно мнению британского социолога О. Харрингтона, термин *social theory* является достаточно поздним изобретением в истории социальной мысли: «Никакого подобного термина не существовало в английском или другом языке до XX в., и даже в XX в. его употребление не было распространено приблизительно до 1940-х гг. Огюст Конт изобрел термин *sociologie* во Франции в 1840-е гг., но термин “социология” также был непопулярным вплоть до 1900 г.» [3, р. 2].

В этом же контексте О. Харрингтон отмечает, что если рассматривать термины *social* и *theory* как отдельно существующие, то каждый из них имеет достаточно древнее происхождение. Бегло воспроизведем этимологию понятия «социальное» и попытаемся прояснить его значение в категории «социальная теория». Прилагательное «социальный» происходит от латинских слов *socius* и *societas* [3, р. 2]. Понятие *socius* первоначально обозначало члена торгового сообщества, взаимодействующего с другими представителями определенного делового товарищества, ассоциации партнеров. Сама форма такой ассоциации обозначалась понятием *societas*. Как отмечает О. Харрингтон, коммерческое значение *societas* сохраняется и в современных языках (англ. *society*, фр. *société*, и ит. *società*, нем. *Gesellschaft*). Поэтому британский социолог считает возможным обосновать укорененность «социального» в коммерческих отношениях «социации» (англ. *sociation*) между членами сообщества.

Немецкий философ Х. Арендт продемонстрировала, каким образом изобретение собственно «социального» в Новое время связано с выходом экономических видов деятельности в публичную политическую сферу [4, с. 46]. Ведение хозяйства ранее касалось частной сферы семьи, а в Новое время – всех. Его проникновение в сферу публичного повлекло одновременно снятие публичной ответственности с владельца собственности за ведение его хозяйства: «Социум возник в сфере публичного впервые в образе организации владельцев, которые однако теперь уже не на основании своего богатства требовали себе соразмерного права голоса в публичных вопросах, но наоборот сошлись чтобы в целях приобретения еще большего богатства потребовать снятия с себя всякой ответственности публично-политической природы» [4, с. 86].

В контексте зарождения феномена социального оформляется понятие «общество» (фр. *société*). Его вводит в широкий оборот Ж.-Ж. Руссо в работе «Об общественном договоре» (1762), хотя впервые оно (англ. *society*) как условное обозначение некой воображаемой социальной действительности появляется в «Утопии» (1516) Т. Мора [5, р. 23]. В эпоху Просвещения общество рассматривается как автономная область развития гражданских отношений, не подпадающих под категорию государства. Слово «общество» изначально обозначало «пакт или договор между гражданами и правителями», но постепенно утратило свое юридическое значение и приобрело значение «сообщества, интегрирован-

ного на основе нормативности или солидарности, в котором социальное взаимодействие предполагало наличие символических отношений» [6, p. 20].

Философ Ж.-Ж. Руссо способствовал созданию языка, описывающего реальность социального, выходя за рамки политической философии. Изобретение социального тесно связано с критикой его вторжения в сферу интимного [4, с. 53]. Бунт Ж.-Ж. Руссо против социальности, с точки зрения Х. Арендт, заканчивается открытием пространства интимного. Но все возрастающая экспансия социального сказывается в появлении массового общества, его эгалитарности и конформизма, в действии господствующего «никто» и постепенном забвении публичной сферы. Следует заметить, что понятия «социальное» и «общественное» в немецком, английском и французском языках разводятся по смыслу с середины XIX в. (нем. *das Soziale und das Gesellschaftliche*, англ. *the social and the societal*, фр. *le social et le sociétal*). Однако во многих переводах эти понятия достаточно часто остаются взаимозаменяемыми либо не до конца проясненными, если само различие не является предметом исследования. Еще большая неоднозначность появляется, когда понятие *the public* переводят как «общество», а его производные как «общественное». Например, работа Дж. Дьюи «The Public and Its Problems» вышла на русском языке под заглавием «Общество и его проблемы» [7]. В вышеприведенных фрагментах из текстов Х. Арендт и их переводах эта последовательность не всегда прослеживается. Понятия «социум» и «общество» в приводимом фрагменте работы немецкого философа не различаются.

Отталкиваясь от трактовки Ж.-Ж. Руссо, Х. Арендт дает следующее определение социуму: «Форма, в которой сам по себе процесс жизни публично институализировал и организовал себя» [4, с. 61], «та форма совместной жизни, где зависимость человека от ему подобных ради самой жизни и ничего другого достигает публичной значимости и где вследствие этого виды деятельности, служащие единственно поддержанию жизни, не только выступают на открытой публичной сцене, но и смеют определять собою лицо публичного пространства» [4, с. 62]. Постоянное разрастание социального пространства создает иллюзию естественности и закономерности этой экспансии, поддающейся анализу лишь с помощью строгой науки, исследующей природу.

В это же время зарождается понятие «социальная наука», изобретенное маркизом де Кондорсе и постепенно проникнувшее через его труды в различные европейские языки [5, p. 23]. Социальная наука пришла на смену моральной науке в качестве призванной содействовать реформированию государственной политики с помощью строгих методов научного познания. Она создает социальные

технологии для манипулирования общественным мнением.

В дальнейшем французский позитивизм, освоив задачи социальной инженерии администраторов государства, продемонстрировал методологию социологии как «науки индустриального общества». Социальная наука превращалась в «позитивный институт» производства политической практики и государственного администрирования [5, p. 23].

В этом контексте необходимо проследить проникновение европейской социологической мысли в США, так как современные интерпретации понятий «социальная теория» и «социологическая теория» во многом сформировались в диалоге европейской и американской традиций в начале XX в. Несмотря на тот факт, что социология зародилась во Франции в XIX в., большинство представителей социально-гуманитарных наук США познакомились с европейской социологической традицией как оформившимся целым только в 1937 г., когда Т. Парсонс представил американскому читателю в работе «The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers» («Структура социального действия. Исследование социальной теории с отдельным обращением к группе современных европейских писателей») квинтэссенцию европейского социологического канона [8], который доминировал в академическом образовании США вплоть до середины XX в. [9; 14].

В 1940–1950-е гг. понятие социологической теории в США в основном ассоциировалось с европейской классической социологической традицией. Немецкий социолог Х. Йоас полагает, что Т. Парсонс проигнорировал факт существования на тот момент уже достаточно оформившейся американской социологической школы, испытывавшей существенное влияние философии прагматизма [9]. Он осознанно не уделял внимания в своем введении в историю классической социологии представителям американской социологической мысли, так как они, вероятно, не вписывались в историю повествования Т. Парсонса с точки зрения генезиса предельно абстрактной социальной мысли. В результате, согласно Х. Йоасу, американская социологическая теория в академической среде оказалась в то время под существенным влиянием европейской традиции в синтетической интерпретации Т. Парсонса и формировалась в течение длительного времени с ориентацией на соответствующие идеалы научно-теоретического познания.

Однако в результате культурного поворота второй половины XX в. предмет исследования американской социальной теории вообрал в себя множество тем, которые прежде выходили за рамки ее компетенции. Вместе с обращением к проблематике гуманитарных наук возростала и практическая

составляющая американской социальной теории. Собственно теория постепенно изживалась из недр американской эмпирической социологии. Ссылки на философские тексты становились все более формальными. Параллельно с этим процессом теория уходила и из учебных планов американских университетов. Как отмечает американский социолог С. Тёрнер [10], даже там, где она сохранялась, ее преподавали практики. Эта тенденция, согласно С. Тёрнеру, затронула даже те американские университеты, которые на протяжении многих десятилетий вплоть до 1960–1970-х гг. отстаивали свою преданность классической социальной теории. Он ссылается на воспоминания американского философа Дж. Батлер о времени ее обучения в Йельском университете, где студент уже в то время едва ли мог получить фундаментальную подготовку в области социальной теории.

Осмысляя данную ситуацию, С. Тёрнер формулирует вопрос о будущем социальной теории в США и за их пределами, так как полагает, что эти тенденции проникают и в другие регионы мира. Он выделяет несколько значимых последствий выхода американской социальной теории за рамки преимущественно эмпирической социологической теории. Во-первых, речь идет о формировании нового поля социально-гуманитарного исследования со своим специфическим предметом исследования, задачами, методами и компетенциями. Сегодня она может процветать уже в других формах по сравнению с классической социологической теорией. Но сложность, с которой неизбежно сталкивается новое направление научного исследования, заключается в том, что, несмотря на все позитивные оценки ее междисциплинарного характера, она вынуждена четко обозначить свое место в системе научных дисциплин. С. Тёрнер условно обозначает ее место в «преддисциплинарном» поле зарождения социологии. Без самоопределения в отношении социологии социальная теория может окончательно утратить свой предмет исследования, будучи растерзанной множеством новых специальных дисциплин (например, медиаисследования, гендерные исследования, визуальные исследования, урбанистические исследования, эволюционная психология, когнитивная нейронаука, нейроэкономика и др.).

Немецкий социолог У. Бек предлагал произвести «концептуальную революцию», чтобы избавиться от «зомби-концептов» [11, р. 51–52], не способных разъяснять суть современной действительности. Но С. Тёрнер не соглашается с У. Бекем, противопоставляя данному тезису востребованность концептов классической социальной теории даже в современных аналитических обзорах таких популярных изданий, как «Financial Times» [10, р. 563].

В то же время европейская социологическая теория всегда стремилась быть «чем-то большим, чем

социологией, и демонстрировала укорененность в гуманитарных науках и в особенности в философии» [1, р. xviii]. Но если в первой половине XX в. европейскую социальную теорию возможно было идентифицировать в качестве предельно абстрактной целостности, то к концу XX в. она подверглась радикальной критике и пересмотру с точки зрения «практического поворота».

Немецкий социолог К. Оффе отмечает, что в 1990-е гг. ощущался, как никогда прежде, кризис европейской социальной теории, воплотившийся в «атеоретическом характере» политического опыта построения «общего европейского дома» [12]. Он полагал, что задача социального исследователя в последующие годы сводилась к ретроспективному анализу произошедшего в действительности.

Британский социолог Б. Тёрнер констатирует кризис современной социальной теории двойственного характера [13, р. 5]: кризис социального и кризис теории. Во многом он был обусловлен распространением постмодернизма, постструктурализма и неопрагматизма. Современная социальная теория, с точки зрения Б. Тёрнера, все больше занимается собой, постепенно утрачивая социальное как предмет исследования, по крайней мере, в том классическом виде, в котором он был сформулирован в социологии Э. Дюркгейма. Для иллюстрации контраста он приводит работы социологов Б. Латура, Дж. Ло и Дж. Урри, где социальное превращается в сеть одушевленных и материальных акторов.

Несколько спокойнее реагирует на кризис современной социальной теории Дж. Деланти, подчеркивая, что вся ее история с момента зарождения – продукт осмысления и переживания различных видов кризиса современности. Другими словами, сегодняшнее ее положение отражает суть происходящего в социальной действительности. Он ссылается на Т. Парсонса, утверждавшего, что современная социология – это главным образом попытка найти решение проблемы, сформулированной еще Т. Гоббсом и Дж. Локком: каким образом возможен социальный порядок. С упадком веры в возможность такого рода порядка возникает потребность в обновлении социальной теории.

Первым социальным теоретиком, который продемонстрировал единство классической социологической теории, был Т. Парсонс. С упадком авторитета его теории в конце 1960-х гг. американское прочтение социологической традиции как интегрированного единства утрачивает свое прежнее влияние в мире, уступая место в 1970-е гг. авторитету европейских социальных теорий Ю. Хабермаса, Н. Лумана, П. Бурдьё, А. Турена, Э. Гидденса и М. Фуко [6].

Конец XX в. в европейской социальной теории ознаменован плюрализмом. Оживление влияния американской философии и социологии на евро-

пейскую социально-гуманитарную мысль отражалось в активном развитии европейского неопрагматизма [9; 15; 16]. Об относительной европеизации этого влияния можно судить с точки зрения авторов «теории практики» [17; 18; 20–23]. Параллельно с возникновением последней зарождается и европейская теория креативного общества.

Неопрагматическая социальная теория способствовала дальнейшему развитию и оформлению

данной интенции. Согласно Х. Йоасу, американский прагматизм – это единственная философия, которая фокусируется на креативной природе индивидуального действия и стремится понять любое человеческое действие как креативное [16, р. 4]. В этом контексте возникает вопрос, возможно ли выработать европейский подход к современному креативному обществу, выходя за рамки парадигмы американского (нео)прагматизма.

Практический поворот в европейской социальной теории: от социальной теории к теории практики

Одним из ярких выражений европейского «практического поворота» [21] является зародившаяся в 1990–2000 гг. «теория практик» (англ. *theory of practices*, фр. *la théorie des pratiques*) [18], или «теория практики» [17; 22]. Феномен практики [19] оказывается в центре внимания как в социологии в целом, так и в социальной теории в особенности. Теория практики первоначально оформляется в работах Т. Р. Шацки (1996) [20], К. Кнорр-Цетины, Э. фон Савиньи (2001) [21], А. Реквитца (2002) [22] и А. Уорда (2005) [23]. Поворот к теории практики в европейских социальных науках 2000-х гг. был подготовлен французской неопрагматической социологией Л. Болтански [24] и Л. Тевено [25] и актор-сетевой теорией Б. Латура [26].

Прагматический поворот от анализа социальных субъектов и групп к исследованию ситуаций и вещей как таковых продемонстрировали Л. Болтански и Л. Тевено. В это время европейская социальная мысль испытывала оживление интереса к американскому неопрагматизму [27–30], который наиболее ярко выражен в теории креативности действия Х. Йоаса [35]. Однако немецкий социолог А. Реквитц [22] отрицает любую попытку ассоциировать рождение теории практики с неопрагматическим движением в европейской социальной теории 1990-х гг. Он отмечает, что традиция американского прагматизма имеет «достаточно слабую связь» [22, р. 259] с теорией практики. А. Реквитц подчеркивает влияние социальной мысли П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ч. Тейлора и позднего М. Фуко [22] на формирование европейской теории практики. В то же время он не опровергает утверждение Х. Йоаса относительно того, что немецкая социологическая дискуссия о повседневной креативности и демократии в 1990-е гг. была во многом сформирована в рамках традиции американского прагматизма, где идея креативности всегда рассматривалась во взаимосвязи с идеей демократии [31]. Кроме того, он подчеркивает, что теория практики глубоко укоренена в философском дискурсе «от Хайдеггера и Дьюи до Делёза» [17, S. 12]. Влияние философии прагматизма на теорию практики достаточно сложно полностью исключить.

Американский социолог Дж. Ритцер полагает, что в качестве предпосылок формирования теории практики можно рассматривать постструктурализм, теорию структуризации, этнометодологию, актор-сетевую теорию и перформативную теорию, фокусируя внимание на работах П. Бурдьё, М. Фуко, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля, Б. Латура и Дж. Батлера [19, р. 645]. В этом контексте *практика* – это рутинизированное действие, в котором дотеоретические предположения определяют способ поведения человеческих тел в той или иной ситуации. Социальная практика сводится к череде «рутинизированных телесных перформансов» [19, р. 645], оказывается продуктом тренировки перформативных способностей человеческих тел. Ментальная деятельность, ее основные элементы рассматриваются по аналогии со структурой телесной практики. Последняя проецируется на природу социального в целом. При этом нужно учитывать, что социальное не является абстрактным феноменом, его сущность распознается лишь в череде повседневных действий. Однако сами действия не сводятся к природе индивидуальности, субъекта действия. Социальная практика не расчленяется на совокупность индивидуальных актов. Ответить на вопрос, каким образом и в какой мере возможно выстроить непротиворечивые связи между всеми этими положениями, пока еще достаточно сложно. Дж. Ритцер полагает, что фрагментарность новой теории затрудняет ее развитие в сторону «гранд-теории» [19, р. 664].

Рождение теории практики в 1990-е гг. совпало с рождением европейской «креативной политики» [36], провоцирующей социологов обратиться к ее ретроспективному анализу с помощью междисциплинарных концепций. А. Реквитц – один из первых европейских социологов, попытавшихся разработать социальную теорию современной креативности, демонстрируя плодотворные взаимоотношения между теорией практики и теорией креативного общества, т. е. между современной социальной теорией и теорией современного общества.

Теория социального праксиса А. Реквитца

Как утверждает А. Реквитц, было бы ошибочно думать, что теория общества (*Gesellschaftstheorie*) и теория современности (*Theorie der Moderne*) детерминированы в развитии социальной теорией (*Sozialtheorie*). Последняя скорее направляет их в сторону «определенной социально-теоретической фундаментальной концептуальности» (*eine bestimmte sozialtheoretische Grundbegrifflichkeit*) [17, S. 17] их предмета исследования. С этой точки зрения теория практики направляет различные теории общества к концептуальности креативного диспозитива (*Kreativitätsdispositiv*). А. Реквитц анализирует процессы культурализации и эстетизации в ситуации позднего модерна. Данное исследование предполагает возможность их формальной рационализации, но оно не может быть сведено к последней. Выявление содержания повседневной креативности в современном обществе мотивирует исследователя пересмотреть основания социальной теории, методы ее построения в социологии и философии.

Социальная теория не может развиваться без социологических теорий современного общества. В этом отношении задача социологии – постигать современное общество и предоставлять эмпирический материал для дальнейшего развития социальной теории. Взаимоотношения между социальной теорией и теориями общества взаимообусловлены, но они не могут быть описаны в терминах строгого детерминизма. Социально-теоретическая концептуальность (*Begrifflichkeit*) не детерминирует позиции теории общества, скорее она создает условия для вступления в возможную свободную игру между ними.

Теория социального праксиса или социальных практик А. Реквитца (*eine Theorie sozialer Praxis oder sozialer Praktiken*) ориентирована на познание современности, в особенности общества позднего модерна. Она фокусируется на процессах культурализации и эстетизации социального (*Kulturalisierung und Ästhetisierung des Sozialen*) [17, S. 10], выходя за рамки социологического анализа формальной рационализации и функциональной дифференциации социального. А. Реквитц демонстрирует, каким образом возможно развивать современную социальную теорию в форме теории практики [17; 22], выстраивая теорию современного общества в форме теории креативного общества позднего модерна [32; 33]. В рамках этих теорий он стремится выявить концептуальность как социальной (*soziale*), так и социетальной реальности (*gesellschaftliche Realität*) в эпоху креативности.

Согласно А. Реквитцу, теория практики представляет собой новый вид теории, которая способна отвечать на вызовы креативной эпохи посредством пракиологии чувствительности к но-

вому типу социального в форме сети одушевленных и материальных акторов. Анализ социального А. Реквитца демонстрирует нарастающее напряжение между процессами рационализации и эстетизации/культурализации в ориентации социального развития на режим нового, аутентичного, экспериментальной самотрансгрессии, аффективности, чувственности, креативности и сингулярности (в противоположность формализму, сциентизму и эффективности прошлого). Он использует концепт «сингулярности», чтобы обозначить объекты и субъекты с их притязанием на особенное. Индивиды и социальные группы замещаются сингулярностями, которые вынуждены бороться за все большее внимание [32, S. 13–18] в эпоху креативности.

В недавно опубликованных монографиях «Изобретение креативности» (2012) [32], «Креативность и социальный праксис» (2016) [17] и «Общество сингулярностей» (2017) [33] А. Реквитц стремится построить социологическую модель для объяснения развития сегодняшней «истерии креативности» [34] и определенного рода рефлексивности в отношении данного феномена. Он исследует ее основания и формы воплощения, пытается ответить на следующие вопросы: почему мнение о том, что ничего не детерминирует современную культуру в той мере как креативность, кажется столь влиятельным и распространенным? что представляет собой сегодняшней «императив креативности»? почему субъекты позднего модерна приучены смотреть на себя и других как креативных, моделировать себя в качестве таковых?

Историческое и культурологическое исследование креативности А. Реквитца сфокусировано на последних двух столетиях. Сравнивая различные стадии в развитии обостренного ощущения и осознания собственной индивидуальной креативности (романтизм, контркультура буржуазного общества, поздний модерн), он приходит к выводу, что современная тотальная эстетизация начинается в 1960–1970-е гг., интенсифицируется и выражается в новых формах в конце 1990-х гг. во всех сферах общества. В определенной степени взрыв креативности в XXI в. детерминирован формированием сектора креативных индустрий, который поглотил большинство направлений развития искусства, науки, технологий и бизнеса.

Относительные границы эстетического публичного пространства постепенно размывались. Любое пространство может рассматриваться отныне как эстетическое, если оно производит и преумножает свежие эмоции. Их бесконечная повторяющаяся мультипликация приводит к пустым надеждам в поиске бессмысленной новизны, к изнашиванию и истощению личности. Каждому приходится играть оригинальную роль в спектакле самореали-

зации, производя в качестве побочного продукта психологический стресс и «тотальное выгорание» личности во всех сферах социальной жизни.

Одним из первых социологов XXI в., разрабатывающих социальную «гранд-теорию», которая стремится выявить ключевые характеристики креативного общества позднего модерна, по крайней мере в их идеально-типической форме, оказался А. Реквитц. Однако данная теория все еще находится в стадии формирования, хотя уже существенно продвинулась в развитии за последние несколько лет, обозначив условные концептуальные и методологические основания, задачи и перспективы дальнейшей эволюции в системе социально-гуманитарных наук.

Таким образом, зарождающаяся теория креативного общества могла бы содействовать разви-

тию предметного поля и методологии социальной теории. Хотя достаточно сложно предсказывать, насколько легитимным окажется ее место в истории, но очевидно, что она могла бы обогатить поле исследовательских вопросов современной социальной теории в ближайшие годы. Осознавая риск, которому подвергается социальная теория с обращением к новому полю исследования, изобретатели концептов вынуждены постоянно переконфигурировать условные границы креативного пространства в качестве социального. Тем временем парадоксальная политическая концепция европейского креативного общества [36] без прочного теоретико-методологического основания подвергается все большему риску оказаться непонятой в форме легко пародируемой модели социального действия в ситуации всеобщего притязания на креативность.

Заключение

Современная социальная теория, отвечая на вызовы теорий общества позднего модерна, сталкивается с необходимостью пересмотра своего предмета исследования и границ компетенции. Неопрагматическая теория Х. Йоаса и теория практики А. Реквитца предлагают различные сценарии развития и оформления современной социальной теории с учетом зарождения теории креативного общества. Достаточно сложно предсказать, насколько легитимными окажутся эти проекты в истории социальной мысли, однако можно с уверенностью констатировать существенный пересмотр предметного поля социальной теории в стремлении ответить на уже сформулированные вопросы в рамках обозначенных теорий современного общества начала XXI в. Сегодня осуществляется их плодотворное взаимодействие с социальной теорией как исторически единой целостностью в различных ее воплощениях.

Каждая научная школа, как и каждое политическое движение, конституирует свой собственный дискурс современности. Среди многообразия работ представителей этих школ труды Х. Йоаса и А. Реквитца выделяются стремлением создать не только уникальный предмет исследования и способ пове-

ствования о нем, но и теоретико-методологическое поле его реализации. До сих пор в рамках социальной философии и социологии мало внимания уделялось «креативному повороту» в истории европейского общества, который оказался в последнее время заметным и идентифицируемым в свете нового поколения политических программ европейских стран [36]. Все больше исследователей сходятся во мнении, что предмет современной социальной теории должен включать в себя креативную реальность как целостность и новый вид социальной тотальности в целях преодоления функциональной дифференциации общества на политические, экономические и культурные сферы.

Без разработанных социально-философских оснований многие концепции современного общества могут постепенно трансформироваться в социальные движения, пытающиеся оправдать свое существование в лучшем случае с помощью общественного здравого смысла. Учитывая многообразие источников по данной теме, достаточно сложно интегрировать их в одной единственной теории общества, но все еще возможно подвергнуть их критическому анализу в рамках современной социальной теории *sui generis*.

Библиографические ссылки

1. Delanty G, editor. *Handbook of contemporary European social theory*. London: Routledge; 2006. 419 p.
2. Winch P. *The idea of a social science and its relation to philosophy*. London: Routledge; 2008. 136 p.
3. Harrington A, editor. *Modern social theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 378 p.
4. Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2017. 415 с.
5. Delanty G. *Social science*. Maidenhead: Open University Press; 2005. 197 p.
6. Delanty G. The foundations of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 19–37.
7. Дьюи Дж. *Общество и его проблемы*. Москва: Идея-Пресс; 2002. 160 с.
8. Parsons T. *The structure of social action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers*. New York: McGraw Hill; 1937. 840 p.
9. Joas H. *Social theory: twenty introductory lectures*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 618 p.

10. Turner S. The future of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 551–566.
11. Beck U, Willms J. *Conversations with Ulrich Beck*. Cambridge: Polity Press; 2004. 240 p.
12. Offe Cl. Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe. *Social Research*. 2004;3(71):501–528.
13. Turner BS. Introduction: A new agenda for social theory? In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 1–16.
14. Alexander JC. *Twenty lectures: sociological theory since World War II*. New York: Columbia University Press; 1987.
15. Baert P, Turner BS, editors. *Pragmatism and European social theory*. Oxford: Bardwell Press; 2007. 187 p.
16. Joas H. *Pragmatism and social theory*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
17. Reckwitz A. *Kreativität und Soziale Praxis: Studien zur Sozial- und Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Transcript; 2016. 314 S.
18. Dubuisson-Quellier S, Plessz M. Annexe 1: La théorie des pratiques, une recherche bibliographique. *Sociologie*. 2013;4(4) [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <http://sociologie.revues.org/2039>.
19. Ritzer G. Cutting-edge developments in contemporary theory. In: Ritzer G, editor. *Sociological Theory*. New York: McGraw-Hill; 2010. p. 645–664.
20. Schatzki TR. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 260 p.
21. Knorr-Cetina K, Schatzki T, Von Savigny E, editors. *The practice turn in contemporary theory*. London: Routledge; 2001. 252 p.
22. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002;5(2):243–263.
23. Warde A. Consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*. 2005;5(2):131–153.
24. Boltanski L, Chiapello E. *The new spirit of capitalism*. London: VERSO; 2007. 601 p.
25. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
26. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
27. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton: Princeton University Press; 1979. 424 p.
28. Bernstein RJ. *Praxis and action: contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1971. 368 p.
29. Alexander JC. *Action and its environments: toward a new synthesis*. New York: Columbia University Press; 1988. 342 p.
30. Putnam H. *Pragmatism: an open question*. Oxford: Blackwell; 1995. 120 p.
31. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
32. Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung*. Berlin: Suhrkamp; 2012. 408 S.
33. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
34. Reckwitz A. Creativity hysteria [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <https://www.goethe.de/en/kul/ges/20368887.html>.
35. Joas H. *Die Kreativität des Handelns*. Berlin: Suhrkamp; 1996. 415 S.
36. Мацевич-Духан ИЯ. Теория креативного общества в формате политической манифестации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:6–19.

References

1. Delanty G, editor. *Handbook of contemporary European social theory*. London: Routledge; 2006. 419 p.
2. Winch P. *The idea of a social science and its relation to philosophy*. London: Routledge; 2008. 136 p.
3. Harrington A, editor. *Modern social theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 378 p.
4. Arendt H. *Vita Activa, ili O deyatelnoi zhizni* [Vita Activa]. Moscow: Ad Marginem Press; 2017. 415 p. Russian.
5. Delanty G. *Social science*. Maidenhead: Open University Press; 2005. 197 p.
6. Delanty G. The foundations of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 19–37.
7. Dewey J. *Obshchestvo i ego problemy* [The Public and Its Problems]. Moscow: Idea-Press; 2002. 160 p. Russian.
8. Parsons T. *The structure of social action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers*. New York: McGraw Hill; 1937. 840 p.
9. Joas H. *Social theory: twenty introductory lectures*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 618 p.
10. Turner S. The future of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 551–566.
11. Beck U, Willms J. *Conversations with Ulrich Beck*. Cambridge: Polity Press; 2004. 240 p.
12. Offe Cl. Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe. *Social Research*. 2004;3(71):501–528.
13. Turner BS. Introduction: A new agenda for social theory? In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 1–16.
14. Alexander JC. *Twenty lectures: sociological theory since World War II*. New York: Columbia University Press; 1987.
15. Baert P, Turner BS, editors. *Pragmatism and European social theory*. Oxford: Bardwell Press; 2007. 187 p.
16. Joas H. *Pragmatism and social theory*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
17. Reckwitz A. *Kreativität und Soziale Praxis: Studien zur Sozial- und Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Transcript; 2016. 314 S.
18. Dubuisson-Quellier S, Plessz M. Annexe 1: La théorie des pratiques, une recherche bibliographique. *Sociologie*. 2013;4(4) [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <http://sociologie.revues.org/2039>.
19. Ritzer G. Cutting-edge developments in contemporary theory. In: Ritzer G, editor. *Sociological Theory*. New York: McGraw-Hill; 2010. p. 645–664.

20. Schatzki TR. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 260 p.
21. Knorr-Cetina K, Schatzki T, Von Savigny E, editors. *The practice turn in contemporary theory*. London: Routledge; 2001. 252 p.
22. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002;5(2):243–263.
23. Warde A. Consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*. 2005;5(2):131–153.
24. Boltanski L, Chiapello E. *The new spirit of capitalism*. London: VERSO; 2007. 601 p.
25. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
26. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
27. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton: Princeton University Press; 1979. 424 p.
28. Bernstein RJ. *Praxis and action: contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1971. 368 p.
29. Alexander JC. *Action and its environments: toward a new synthesis*. New York: Columbia University Press; 1988. 342 p.
30. Putnam H. *Pragmatism: an open question*. Oxford: Blackwell; 1995. 120 p.
31. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
32. Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung*. Berlin: Suhrkamp; 2012. 408 S.
33. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
34. Reckwitz A. Creativity hysteria [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <https://www.goethe.de/en/kul/ges/20368887.html>.
35. Joas H. *Die Kreativität des Handelns*. Berlin: Suhrkamp; 1996. 415 S.
36. Matsevich-Dukhan IJa. A theory of creative society in the format of political manifestation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:6–19. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.05.2019.
Received by editorial board 02.05.2019.